

**ТОРГОВО-ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТАТАР
ВО ВНУТРЕННЕЙ КИРГИЗСКОЙ ОРДЕ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)**

© 2014

М.М. Имашева, кандидат исторических наук,
доцент кафедры «Государственно-правовые дисциплины»
Астраханский филиал Саратовской государственной юридической академии, Астрахань (Россия)

Ключевые слова: предпринимательская деятельность; этноконфессиональная община; ярмарочная торговля; культурно-просветительское общество; пантюркизм; панисламизм.

Аннотация: В начале XIX века с разрешения Александра II в пределы Астраханской губернии, на левобережье Волги, переселяются казахи младшего жуза во главе с ханом Букеем. При его преемнике, хане Джангире, формируются основные органы управления Внутренней Киргизской Ордой, основываются и обустроиваются поселки, в которых оседает администрация и которые становятся центрами торговли с кочевым казахским населением.

На рубеже XIX–XX вв. эти населенные пункты становятся центрами торгово-экономической жизни Орды, ведущую роль в которой, в рамках описываемого периода, занимают татары – выходцы из средневожских и приуральских губерний, а также астраханские татары. В силу религиозной, этнической, языковой общности с казахским населением татары легко находили понимание у местного населения, что позволило им развить успешную коммерцию. Некоторые представители татарских фамилий сумели в течение весьма короткого времени (одно-два десятилетия) составить значительные капиталы.

Особенностью татарского предпринимательства в Орде был взаимообразный характер торговых отношений. Снабжая казахское население продукцией молодой российской промышленности из центральных губерний, татары покупали у него продукцию животноводства. Эта продукция в свою очередь была востребована в суконной, кожевенной, текстильной и других отраслях промышленности России.

В начале XX века татарское население Орды активно включается в общественную деятельность. Создаются культурно-просветительское общество и «новометодные» учебные заведения, оказавшие значительное влияние на рост национального самосознания и общего уровня развития татарской общины. Несмотря на весьма скромные результаты деятельности, они явились фактором, демонстрирующим рост общественной активности в среде татарского населения Астраханской губернии в частности и в Российской империи вообще.

Осенью 1826 г. хан Внутренней Букеевской Орды Джангир задумал основать место, близко расположенное к источникам пресной воды, а самое главное – к Волге и уездному городу Черному Яру, что по мысли правителя обещало много выгод для развития торговли. Так началась история поселка Ханская Ставка.

Ставка строилась очень медленно, так что по прошествии первых 14 лет она состояла только из 41 дома. Но с 1841 г. Ставка стала быстро застраиваться и в июле 1846 г. в ней было уже 89 домов. Это было связано с учреждением здесь ярмарки (с 1833 г.), торговые обороты которой увеличивались год от года, «приманивая» и казахов, и иногородних торговцев [1, с. 107–109]. Уже в этот период казанские татары составляли значительную часть населения поселка. Из 89 домов им принадлежали 13 (для сравнения, русским – 10). Все они использовались не столько для жилья, сколько для осуществления торговых операций. При домах находились лавки и складские помещения, которые легко превращались друг в друга: «...смотря по ходу торговли, ...лавки переходят в складовые помещения и, наоборот, последние иногда делаются лавками» [1, с. 112].

К середине века Ставка представляла собой довольно обустроенное поселение. Здания, не исключая и ханского дворца, были деревянными, «красовались правильностью», встречались даже двухэтажные. Лавки, базар и площадь ежедневно наполнялись покупателями. Русский исследователь этих мест А. Терещенко писал: «Кроме природных обывателей живут здесь по несколько десятков лет русские купцы и казанские татары, обзаведшиеся своими домами и производящие торг весьма выгодно. Один из таковых торговцев-татар при-

обрел капитал более, нежели в полмиллиона рублей. Торговля производится не только простыми, пригодными для общежития товарами, но красными и даже предметами прихоти – конфетками и вареньями. У всякого купца непременно под домом лавка, у иного до пяти, которые заменяют гостинный двор» [2, с. 76].

Вторым по значимости торговым поселком во Внутренней Орде считалась Новая Казанка. Она находилась на границе с Уральской областью, в 200 верстах от Ханской Ставки. Поселение возникло в 1871 г. в связи с упразднением линий форпостов уральского казачьего войска по реке Узеню. Основателями и первыми поселенцами Новой Казанки были торговцы-татары, проживавши в Глиненском форпосте. С разрешения оренбургского генерал-губернатора в 1868 г. 32 торговцам-татарам было разрешено поселиться при ставке Камыш-Самарской части близ Камыш-Самарских озер, против бывшего Глиненского форпоста.

«Водворение» татар фактически состоялось в 1871 г., причем из 25 поселившихся там татар все 25 были казанскими, вследствие чего и поселок стал называться Новой Казанкой, а впоследствии это название было «усвоено» в официальных документах [3, л. 265].

Возникновение этого поселения совпало со временем «развития в киргизском населении потребности во всякого рода фабрикатах, каковыми считались: ситцы, материи, чай, сахар, посуда и т. п., тогда как прежде киргизы обходились предметами своего производства». Данное обстоятельство, в связи с центральным положением Новой Казанки по отношению к многочисленным кочевьям казахов, благоприятствовало быстрому росту поселка и развитию в нем торговой деятельности. Также

через поселок (который был единственным населенным пунктом на границе с Уральской областью) шла дорога, по которой проезжали многие выходцы из-за Урала, Персии и других мест [3, л. 265].

В 1904 г. в Новой Казанке насчитывалось 1916 жителей обоего пола, 281 жилое помещение и 464 нежилых здания, одна православная церковь, лечебница, церковно-приходская школа, две участковые русско-киргизские школы, мечеть и при ней медресе с русским классом. Мусульманский приход был образован на общем собрании будущих прихожан в 1894 г., а уже в следующем 1895 г. на средстве татар была построена деревянная соборная мечеть. С 1894 г. муллой-хатыпом, мударрисом и ахуном при мечети состоял Гатаулла Галикеев, муэдзином – Габдулла Абдрешитов [4, л. 94 об. –95].

О занятиях и этническом населении Новой Казанки газета Астраханские губернские ведомости в 1904 году писала: «Жители Новой Казанки занимаются исключительно торговлей, которая находится главным образом в руках татар. В последнее время некоторые русские торговые фирмы стали открывать здесь свои филиальные заведения и таким образом положили начало упрочению русского торгового элемента» [5]. Торговали, в основном, скотом, шерстью, шкурами, мясом и другими товарами местного скотоводства, красными товарами, хлебом и другими предметами, а также рыбой из местных озер. В 1901 г. торговые обороты поселка достигли 1 231 820 рублей [5].

Коммерческие дела татар во Внутренней Орде шли тем более успешно, что сами казахи в деле торговли предпочитали «играть второстепенную роль, в лучшем случае являясь агентами торговых фирм по покупке сырья у кочевых соплеменников». Не последнюю роль играл и факт конфессиональной принадлежности татар и родства тюркских языков: казахи, как и все остальные среднеазиатские народы, охотнее общались с татарами, чем с русскими, считая, что те менее склонны к обману в торговых операциях [6, л. 265].

Татары свою торговлю осуществляли достаточно просто. Имея более-менее значительные капиталы, они на ярмарках закупали бакалейные и мануфактурные товары оптом, а потом в течение года продавали их наезжающим из степи казахам в розницу. У казахов татары скупали в больших количествах кожи, причем наибольшую выгоду получали именно те покупатели, которые жили в пределах самой Орды: «С половины или с конца октября, то есть с наступлением холода, киргизы начинают забивать скот, заготавливая мясо для пищи себе на зиму. Время заготовки мяса, продолжающееся, смотря по погоде, месяц или два, называется «сугум». В это время торговая деятельность снова оживает и преимущественно заключается в продаже сырых кож. Приезжающими в начале зимнего торгового купцами партии кож набираются поспешно и тотчас же, по закупке от 200 до 500 штук, отправляются к месту назначения» [7].

Об объемах торговой деятельности татар во Внутренней Киргизской Орде мы можем судить по документам, сохранившимся в фонде 687 «Астраханская Казенная палата» Государственного архива Астраханской области. Согласно «Книге гильдейских торговых предприятий, подлежащих раскладочному сбору» в 1891–

1893 гг. в поселке Ханская Ставка действовало 28 гильдейских торговых предприятия, 20 из которых принадлежали татарам, выходцам из губерний Среднего Поволжья, все они торговали по свидетельствам второй гильдии, оставаясь при этом в звании крестьян. Все предприятия вели мануфактурную торговлю, обороты которой весьма впечатляют. Самые большие обороты были сосредоточены в руках семьи Уразаевых (Уразовых), выходцев из Казанской губернии Свяжского уезда Азелейской волости деревни Мамадыш Тевгяльдиной. У главы семьи Афлятуна оборот составлял 70 000 рублей в год (с ежегодной прибылью 10 %, т. е. 7 000 рублей); у младшего брата Негматуллы оборот составлял 30 000, прибыль – 3 000 рублей в год. Достойную конкуренцию Уразовым составил Габейдулла Насыбуллин, обороты которого в 1891 г. достигли 60 000 рублей [8, л. 49 об.–50].

Согласно «Журналу о генеральной поверке торговых и промышленных предприятий и личных промысловых занятий Внутренней Киргизской Орды за 1909 г.» в поселке Ханская Ставка значилось 141 торговое заведение, из которых 74 (то есть половина) принадлежали татарам Казанской, Симбирской, Пензенской и Астраханской губерний. Общий оборот торговли составлял 433 300 рублей в год. Из 30 вновь открытых торговых и промышленных заведений 15 принадлежали татарам [9, л. 1–24].

В поселке Новая Казанка, согласно тому же документу, из 93 торговых предприятий татарам принадлежали 53, оборот их составил 398 600 рублей. Правда львиная часть этого оборота приходится на долю нескольких богатых предпринимателей. Так, братьям Сабиржану и Нуретдину Сагитовым принадлежали заведения: по скупке шкур с оборотом 100 000 рублей; торговле азиатской обувью с оборотом в 15 000 рублей; мучной торговле с оборотом 10 000 рублей (всего на 125 000 рублей). Большинство торговцев-татар имели обороты от 2 000 до 8 000 рублей. Были и совсем мелкие (всего 8) с оборотом менее 500 рублей в год [9, л. 24–48].

Серьезным коммерческим событием в Ханской Ставке были ежегодные ярмарки на Ахунском хуторе (переведенные туда в 1870 г. из Ставки), проводившиеся два раза в год – весной и осенью. Это была крупнейшая ярмарка в Астраханской губернии, на которой казахи продавали скот и продукцию скотоводства, а закупали товары, необходимые для ведения хозяйства.

Обороты весенней ярмарки 1890 г. (не самой удачной по уверениям старожилов) следующие: привезено товаров и пригнано скота на сумму 540 942 рубля (на 320 858 рублей меньше, чем в 1899 г.); продано на 183 447 рублей (также менее на 177 453 рубля). Общий же оборот торговли на описываемой ярмарке достиг 724 389 рублей [10, л. 1].

На ярмарке внутри двора продавались: мануфактурные товары, привезенные купцами из Ханской ставки, Александрова-Гая, Капустина Яра, Пришиба и с Баскунчакского поселка; ичиги, калоши, шапки, тюбетейки и сундуки, привезенные из Казани; халаты, ковры, одеяла и киргизские пояса, доставленные Оренбургскими, Хивинскими и Бухарскими торговцами; железные товары, привезенные из Саратова; железные косы, привезенные из Рыльска и Саратова, частью новые,

частью подержанные; коженные изделия, преимущественно из Казани; чай из Москвы.

Вне двора находились лавки большей частью ставочных торговцев, которые торговали колониальными товарами, железом и посудой, строевым лесом. Так же здесь продавались деревянные изделия (которые в степи были настоящим дефицитом): рамы, ведра, чашки, ложки, оглобли, кибиточные двери, сундуки, привезенные из Симбирской губернии и города Камышина. Деготь и керосин доставляли из сел Царевского уезда, а уголь из Царицына. Пшеничную, ржаную и другую муку привозили в основном из Саратовской губернии.

Из «произведений Киргизской Орды» продавались кибиточные решетки, кошмы, чагаракки, тебеньки и в малом количестве местной работы кибиточные двери. Из степи казахи привозили сено (до 1 000 пудов к каждой ярмарке) и пригоняли скот (главную статью своей торговли): баранов, крупный рогатый скот, верблюдов и лошадей. Весь ход торговли на ярмарке зависел в значительной степени от сбыта скота: чем успешнее и выгоднее продавался скот, тем лучше распродавались бакалейные, мануфактурные и прочие товары [7].

Охотно и в большом количестве покупались шкуры (на описываемой весенней ярмарке 1890 г. – на 37 641 рубль). Привоз шкур на ярмарку «был главным образом и в значительной степени» из Ханской Ставки, деревни Новой Казанки и «в меньшем количестве из разных других мест Орды» [10, л. 2–3].

В течение года татары-торговцы и их приказчики скупали шкуры, а в ходе ярмарки продавали их. Крупные кожи покупали татары, купцы воронежские и астраханские, торговцы, мещане и крестьяне Саратовской, Самарской и Казанской губерний. Мелкие кожи – овчины – значительными партиями закупались крестьянами разных уездов Воронежской губернии и казаками Войска донского. Казанские татары покупали преимущественно шкуры коз.

Верблюжья шерсть шла на фабрики в Пензенскую, Саратовскую, Самарскую и Тамбовскую губернии. Фабриканты, покупавшие овечью шерсть, при ее недостатке подмешивали верблюжью. Козий пух покупался преимущественно казанскими татарами [7].

Обычно желающих торговать на ярмарке собиралось до 5 000 человек, из которых русских насчитывалось около 1 000, иностранцев не больше 20, а остальные были казахами и татарами. Из числа показанных в ведомости торговцев на «неудачной» весенней ярмарке 1890 г. русских было до 250 человек, татар – 200, казахов – 30, бухарцев и хивинцев – 12.

Торговцы-татары прибыли из губерний Астраханской, Казанской, Саратовской, а также Ханской Ставки и деревни Новой Казанки и торговали мануфактурными, галантерейными, коженными товарами, невыделанными кожами и шерстью [10, л. 3 об.].

Объемы торговых оборотов ярмарки на Ахунском хуторе росли с каждым годом. Так, через 10 лет в 1900 г. на весенней ярмарке оборот составил 1 733 413 рублей (привезено товаров и скота на 1 054 869 рублей и продано на 678 544 рубля). Впрочем, ассортимент товаров и их география практически не изменились. Увеличилось количество торговцев: «...стечение народа на ярмарке достигло 7 000 человек, в том числе русских до

2 000, иностранцев – 17, остальные киргизы и татары» [11, л. 1–1 об.].

К началу XX века многие из предпринимателей татарского происхождения, несмотря на сословную приписку к Казанской, Симбирской, Саратовской и т. д. губерниям, родились в Орде или, по крайней мере, прожили в ней большую часть жизни. Так, организатор общественного движения татар Лутфулла Загидулло-вич Фатхуллин проживал в Ханской Ставке с 12 лет, а в 15 лет он уже поступает приказчиком в мануфактурный магазин к состоятельному торговцу Сунгадулле Гисматуллину, главная контора которого находилась в поселке Баскунчак. Вся сознательная жизнь Лутфуллы Загидуллина (Фатхуллина) прошла во Внутренней Киргизской Орде, он практически из нее не выезжал. Лишь в декабре 1909 г. к нему приехал родной брат, вышедший в запас солдат Аухидулла Загидуллин, вместе с которым он выехал на родину в Свяжский уезд для раздела крестьянских угодий и их усадьбы, оставшихся после родителей. Дела были улажены за полмесяца и в середине января 1910 г. Л. Загидуллин вернулся в Ханскую Ставку с тем, чтобы остаться здесь навсегда, а вырученные от продажи родительского наследства деньги отложил на будущее обустройство [12, л. 18].

К концу 1914 г. Лутфулла Загидулло-вич Фатхуллин решает сам стать хозяином торгового предприятия. Открыть собственное дело ему, судя по всему, помогла выгодная женитьба. Действительно, две трети (14 тысяч из 21) складочного капитала фирмы «Торговый дом Л. и Х. Фатхуллины», принадлежали его жене Биби-Хабире Хуснутдиновне Фатхуллиной. Договор о создании фирмы был заключен 2 сентября 1914 г. для производства в селе Ханская Ставка, Астраханской губернии и других городах и местах Российской Империи торговли мануфактурными и другого всякого рода товарами [12, л. 2].

Следует отметить одну особенность: торговцы-татары, несмотря на активную коммерческую деятельность, приобретение ими недвижимости в Орде, никогда окончательно не порывали связей с родиной, сохраняли национальный язык и обычаи. Они никогда не отдавали своих детей учиться в имевшиеся и в поселке Ханская Ставка, и в поселке Новая Казанка министерские русско-киргизские (казахские) школы. Тогда как сами казахи охотно отдавали своих детей в открываемые татарами учебные заведения [13]. Создавать браки татары в Орде также предпочитали с татарами, которых привозили с родины.

Даже мечеть в Ханской Ставке татары предпочли выстроить свою и на собственные средства в 1901 г. Муллоу при ней состоял выходец из Казанской губернии Мухаммед-Вафа Мифтахетдинов. Поэтому в начале XX века в небольшом поселке действовали два мусульманских прихода: один – казахский (образованный еще при посредстве хана Джангира в 1840 г.) при соборной мечети с муллоу-казахом (казак Таловской части Гали Гайсин), другой – татарский (образован в 1897 г.) при пятивременной мечети [14, л. 28 об.–29]. Татарской была мечеть и в Новой Казанке. Задачами сохранения национального самосознания, видимо, было обусловлено создание татарского национального общества и школы в Ханской Ставке. В поселке Новая Казанка

также действовал отдельный от киргиз собственный приход.

К 1909 г. татары, проживавшие в поселке Ханская Ставка, включаются в общественное движение, которым были охвачены все мусульмане Российской Империи, в частности Астраханской губернии. 8 марта 1910 г. полицмейстер Ханской Ставки в своем рапорте председателю Временного совета по управлению Внутренней Киргизской Ордой представил список членов Ханско-Ставочного «Общества для содействия культурному развитию мусульман» с указанием имен, отчества, фамилий, званий, социального положения и научного ценза [15, л. 97].

Членами-учредителями общества стали татары Средневожских губерний. Из 49 членов общества к этой категории принадлежали 40 (то есть 90 % были татарами). Особый интерес представляет и то, что по уставу общества членами его могли быть женщины. Из 49 членов общества – 11 были женщинами (это были жены, матери и сестры членов-учредителей), конечно же «...татарские жены были записаны только для счёту и представляли из себя бессловесных манекенов» [15, л. 100], вряд ли принимавших какое-либо реальное участие в делах общества. Но сам факт, что татарская махалля допустила возможность женщинам хотя бы просто числиться в списках общественной организации, говорит о достаточно демократических взглядах ее лидеров.

Председателем общества, его душой и, безусловно, главным организатором был крестьянин Казанской губернии Свияжского уезда Ульяновской волости деревни Старых Чачкаш Лутфулла Загидуллин (Фатхуллин). Товарищем (заместителем) председателя – Хайрулла Уразаев (Уразов), секретарем – Абдулазан Насыров, казначеем – Салават Аксанов [15, л. 99]. Л. Загидуллин, не получивший никакого систематического образования, «самоучка», уверенно писал по-русски, без сомнения обладал организаторскими способностями, да такими, что они привели к созданию означенного общества. Загидуллин был и успешным предпринимателем: выбившись из простых приказчиков к 20 годам в «приказчики на отчете», что подразумевало самостоятельное ведение дел, без вмешательства хозяина, без чьей-либо финансовой поддержки, к 40 годам, он смог создать собственное торговое предприятие.

Ввиду малочисленности татарского населения, постоянно проживавшего в Ставке и его крайне низкой общественной активности, общество особых успехов не достигло. Оно так и не смогло собрать средства для покупки дома для общественных собраний, так и не сумело собрать библиотеку [15, л. 100]. Самым большим достижением этого общества стало создание школы, обучение в которой строилось на принципах джадидизма [15, л. 107]. Все обучение велось за счет родителей учащихся и, соответственно, позволить его себе могли не многие.

Сама школа располагалась в частном доме-землянке, принадлежавшем председателю Лутфулле Загидуллину, на Первой Мечетной улице, открыта она была 10 декабря 1909 г. [15, л. 111]. В 1910–1911 учебном году в ней обучалось 24 татарских мальчика. Заведующим и мугаллимом школы стал крестьянин Казанской губернии Тетюшинского уезда Старо-Барышевской волости и села Нажметдин Шайхильзаманов –

выпускник Казанской учительской школы, допущенный к своей должности инспектором народных училищ Орды [15, л. 107].

В целом, культурное общество мусульман Ханской Ставки особых беспокойств у властей не вызывало, прежде всего потому, что не ставило политических целей и никогда не выступало в русле пропаганды пантюркистских и панисламистских идей. Общество, возглавляемое Л. Загидуллиным, оставалось лояльным к властям, заседания Правления общества проходили крайне редко (2–3 раза в год), по установленному порядку. Каждый раз правление сообщало полицмейстеру, где и когда будет заседание, а так же какие вопросы будут обсуждаться, на заседание каждый раз командировался полицейский и переводчик Временного Совета. Повестка всегда соблюдалась точно и «никаких других вопросов не обсуждалось, кроме перечисленных в сообщении правления общества» [15, л. 106].

Вопросы, рассматривавшиеся на заседаниях общества, не выходили за рамки поставленных образовательных и культурно-просветительских задач. Так, в повестке собрания 3 октября 1909 г. стоял вопрос об открытии школы. В заседании 7 ноября 1909 г. он обсуждался повторно, а также члены общества выбрали ревизионную комиссию. В собрании 12 декабря 1909 г. избирались члены правления на будущий 1910 г. 31 января 1910 г. правление собралось для обсуждения вопроса о приобретении на имя общества в Ханской Ставке участка земли под постройку дома для общества. 5 марта 1910 г. обсуждалась ситуация с членскими взносами и т. д. [15, л. 100].

Известие о начале Первой Мировой войны, по сообщению Председателя Временного Совета по управлению Внутренней Ордой, татары в поселках Ханской Орды встретили спокойно. Никаких «нежелательных эксцессов» среди запасных и ратников ополчения мусульман-татар в период мобилизации не было (казахи в тот период в армию не призывались). Впрочем, из всего татарского населения Внутренней Орды было призвано всего 24 человека.

Патриотические чувства татар выразились в совершении молений в приходских мечетях «о здравии Государя Императора, всего Царствующего Дома и о даровании русскому оружию победы с произнесением соответствующих положению дел поучений». Татарская буржуазия охотно выразила свои верноподданнические чувства и «готовность жертвовать всем своим состоянием на одоление врага». Значительные суммы стали поступать «на покрытие расходов по ведению войны, на призрение больных и раненых воинов и осиротевших их семейств».

Впрочем, кроме пожертвований, в среде мусульман-татар никаких других мер «к призрению семейств их единоверцев, призванных в армию, не принималось». Председатель Временного Совета объясняет это незначительностью контингента татарского населения в поселках Орды. Действительно, летом 1914 г. татар в Ханской Ставке проживало 457 мужчин и 351 женщина, в Новой Казанке – 540 мужчин и 465 женщин, в Таловке – 200 мужчин и 185 женщин. Тем не менее, этот «незначительный контингент» перевел на депозиты Временного Совета к середине сентября 1914 г. свыше 10 000 рублей, причем деньги продолжали

поступать и далее. Даже в губернской Астрахани с более чем двадцатитысячным татарским населением о такой сумме оставалось только мечтать [15, л. 11–13].

Вместе с тем власти больше всего боялись распространения панисламистских и пантюркистских настроений в связи с тем, что Турция выступила на стороне Германии: «Полицмейстеру Ханской Ставки председателю Временного Совета приходится в деле борьбы с пропагандой панисламизма и пантюркистских идей среди киргизского населения Орды все сведения черпать из источников не всегда надежных, а именно отправителей-мусульман. Почему является неотложно необходимым объезд всей территории Орды, особенно русских поселков, где живет много татар – этих ярких проводников фанатических идей ислама» [16, л. 13].

После октября 1917 г. большинство торговцев татар сворачивает свою деятельность и предпочитает уехать на родину, чтобы переждать смутные и неспокойные времена.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Киттары М.Я. Ставка хана Внутренней Киргизской Орды // Журнал МВД. 1849. Ч. 28.
2. Терещенко А. Следы Дешт-Кипчака и Внутренняя Киргиз-кайсацкая Орда // Москвитянин. 1853. Т. 6. № 22. Кн. 2.
3. Государственный архив Астраханской области (далее – ГААО). Ф. 1. Оп. 2. Д. 289.
4. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54433.
5. Поездка Его Превосходительства господина Астраханского губернатора генерал-майора Б.Л. Гронбчевского во внутреннюю Киргизскую орду // Астраханские губернские ведомости. 1904. № 57.
6. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 289.
7. Алекторов А.Е. Внутренняя Букеевская Орда (краткий исторический очерк) // Оренбургский листок. 1887. 19 июля.

8. ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 2751.
9. ГААО. Ф. 687. Оп. 2. Д. 3567.
10. ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 1087.
11. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 109.
12. ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 29917.
13. К вопросу об отатаривании киргиз Астраханской губернии // Астраханский листок. 1900. 21 апреля.
14. ГААО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 54947.
15. ГААО. Ф. 286. Оп. 2. Д. 297.
16. ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1465.

REFERENCES

1. Kittari M.Ya. Headquarters of the Khan of the Inner Kirghiz Horde. *Jurnal MVD*, 1849, no. 28.
2. Tereshenko A. Traces of Desht Kipchak and the Inner Kirghiz-Kaisatsk Horde. *Moskvityanin*, 1853, vol. 6, no. 22, book 2.
3. The State Archive of Astrakhan Region. (hereinafter referred to as SAAR). F. 1. In. 2. File. 289.
4. SAAR. F. 13. In. 1. File 54433.
5. Visit of His Excellency Governor of Astrakhan Major-General B.L. Gronbchevsky to the Inner Kirghiz Horde. *Astrahanskije gubernskie vedomosti*, 1904, no. 57.
6. SAAR. F. 1. In. 2. File 289.
7. Alektorov A.E. The Inner The Bukey Horde (a brief historical essay). *Orenburgskij listok*, 1887, July, 19.
8. SAAR. F. 687. In. 2. File 2751.
9. SAAR. F. 687. In. 2. File 3567.
10. SAAR. F. 1. In. 11. File 1087.
11. SAAR. F. 1. In. 2. File 109.
12. SAAR. F. 94. In. 1. File 29917.
13. Revisiting the cultural assimilation of the Kirghiz with the Tatars in the Astrakhan Province. *Astrahanskij listok*, 1900, April, 21.
14. SAAR. F. 13. In. 1. File 54947.
15. SAAR. F. 286. In. 2. File 297.
16. SAAR. F. 1. In. 2. File 1465.

TRADING, ENTREPRENEURIAL AND SOCIAL ACTIVITIES OF THE TATARS IN THE INNER KIRGHIZ HORDE IN THE ASTRAKHAN PROVINCE (LATE 19th – EARLY 20th CENTURIES)

© 2014

M.M. Imasheva, candidate of historical sciences, assistant professor of the Department «State-legal disciplines»
Astrakhan branch of Saratov State Law Academy, Astrakhan (Russia)

Keywords: entrepreneurship; ethno-confessional community; trade fair; cultural and educational society; Pan-Turkism; Pan-Islamism.

Annotation: In the early 19th century, by the assent of Alexander II the Astrakhan province at the left bank of the Volga River gets inhabited by the Kazakhs of the little jüs led by the Bukey Khan. Under his successor, Zhangir Khan the basic governing bodies of the Inner Kirghiz Horde were formed; new settlements were laid which hosted the administration and became centers of trade with the nomadic Kazakh population.

At the turn of the 20th century these communities became centers of trade and economic life of the Horde. The leading role in it within the described period was played by the Tatars coming from the Middle Volga and the Urals provinces, as well as from Astrakhan. Due to religious, ethnic and linguistic community with the Kazakh population, Tatars easily found a common language with the local population which favoured their trading success. Some representatives of the Tatar families managed within a very short time (one to two decades) to make significant capital out of it.

Peculiarity of the Tatar entrepreneurship in the Horde consisted in the reciprocal nature of trade relations. Supplying the Kazakh population with products of the young Russian industry from the central provinces, Tatars bought their livestock products. These products, in their turn, were in high demand in cloth, leather, textile and other industries in Russia.

In the early 20th century the Tatar population of the Horde became actively involved in community activities. Cultural and educational society and «new method» schools were created that had a significant impact on the growth of national consciousness and the general level of development of the Tatar community. Despite modest results, they were a factor indicating the growth of social activity of the Tatar population in the Astrakhan province in particular and in the Russian Empire altogether.